

ПОЧЕМУ ПЛАТОНИЗМ И НАТУРАЛИЗМ НЕСОВМЕСТИМЫ?

Д. В. Анкин

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
e-mail: dmitryankin@gmail.com

Аннотация. Данная статья инициирована существующими спорами о платонизме в философии математики¹ – [9; 10; 11; 16] – и преследует цель прояснения используемой в данной области терминологии, прежде всего, с точки зрения её онтологических оснований. Сложность состоит в том, что математика имеет дело с особыми объектами, если объекты признаются, и/или с особыми структурами, если вместо объектов признаются некоторые структуры.

Целью настоящего исследования выступает демонстрация несовместимости платонизма и натурализма. Термин «реализм» многозначен. В него включается не только платонизм (что достаточно традиционно), но некоторые варианты натурализма, как мы пытаемся показать в предлагаемой статье.

Платонизм не совместим с номинализмом, согласно существующим историко-философским классификациям, но реализм, вероятно, в некоторых версиях, может совмещаться с натурализмом. В качестве основных «точек опоры» нашего исследования будут рассматриваться позиции Уилларда Куайна и Хилари Патнэма в философии математики, которые, как мы попытались показать, заключаются в попытке совмещения некоторых форм реализма с: 1) натуралистическим номинализмом (У. Куайн); 2) концептуализмом (Х. Патнэм).

Наше решение классификационных проблем демонстрируется на примере философии математики У. Куайна, которая имеет прямую связь как с идеями номиналистической метафизики, так и с идеями натуралистско-реалистической интерпретации математических объектов одновременно. Распутывая указанный узел, мы сможем прояснить ряд метафизических и онтологических проблем. В качестве новизны можно отметить наше доказательство того, что У. Куайн ни в каком смысле не может быть назван платонистом.

Переходя к терминологии У. Куайна, можно сказать, что необходимая для всякого платонизма операция гипостазирования абстрактных объектов происходит на уровне идеологии теории, то есть исключительно на уровне языка. Операция же надления существованием осуществляется не в самом по себе языке, а внутренним, по отношению к теории, образом – на основе операций квантификации свободных переменных. Это задает искомые в статье границы между метафизикой и онтологией. В примере с У. Куайном мы получаем антиплатонистскую метафизику, сопровождаемую умеренно реалистской онтологией, допускающей множественность моделей натуралистического типа.

Ключевые слова: платонизм, реализм, номинализм, онтологические обязательства, Патнэм, Куайн, метафизика, онтология, философия математики.

Для цитирования: Анкин Д. В. Почему платонизм и натурализм несовместимы? // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2026. – № 3. – С. 114–122. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2026-3-114>.

Original article

WHY ARE PLATONISM AND NATURALISM INCOMPATIBLE?

D. V. Ankin

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia
e-mail: dmitryankin@gmail.com

¹ Ламберов Л. Д. Теоретико-типичное обоснование математического структурализма: онто-эпистемологические аспекты: дис. ... д-ра филос. наук. – Екатеринбург, 2025. – 531 с.

Abstract. This article is inspired by the current debates about Platonism in the philosophy of mathematics² – [9; 10; 11; 16] – and aims to clarify the terminology used in this field, primarily from the perspective of its ontological foundations. The difficulty lies in the fact that mathematics deals with special objects, if objects are recognized, and/or with special structures, if certain structures are recognized instead of objects.

The purpose of this study is to demonstrate the incompatibility of Platonism and naturalism. The term «realism» is polysemantic. It encompasses not only Platonism (which is quite traditional), but also certain variants of naturalism, as we attempt to demonstrate in this article. Platonism is incompatible with nominalism, according to existing historical-philosophical classifications, but realism, in some versions, can likely be compatible with naturalism.

The main «points of support» for our research will be the positions of Willard Quine and Hilary Putnam in the philosophy of mathematics, which, as we have attempted to demonstrate, consist of an attempt to combine certain forms of realism with: 1) naturalistic nominalism (W. Quine); 2) conceptualism (H. Putnam).

Our solution to the classification problems is demonstrated using the example of W. Quine's philosophy of mathematics, which has a direct connection both with the ideas of nominalistic metaphysics and with the ideas of a naturalistic-realistic interpretation of mathematical objects. By unraveling this knot, we will be able to clarify a number of metaphysical and ontological problems. A novel feature is our proof that W. Quine cannot be called a Platonist.

Translating into Quine's terminology, we can say that the operation of hypostatizing abstract objects, necessary for any Platonism, occurs at the level of the theory's ideology, that is, exclusively at the level of language. The operation of endowing them with existence, however, is carried out not in language itself, but in a manner internal to theory – based on the quantification of free variables. This defines the boundaries between metaphysics and ontology sought in this article. In the example of W. Quine, we obtain an anti-Platonist metaphysics accompanied by a moderately realist ontology that allows for a plurality of naturalistic models.

Key words: platonism, realism, nominalism, ontological commitments, Putnam, Quine, metaphysics, ontology, philosophy of mathematics.

Cite as: Ankin, D. V. (2026) [Why are Platonism and Naturalism incompatible?]. *Intellekt. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 3, pp. 114–122. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2026-3-114>.

Введение

«Постметафизическая эпоха» закончилась, так и не начавшись. Метафизическая проблематика вновь занимает центральное место в современной философии. В том числе и онтология, как часть метафизики, активно разрабатывается во многих областях современной философии: «К середине 1970-х «Именованное и необходимость» Крипке наряду с другими новаторскими работами в области эссенциалистской метафизики (Льюиса, Плантинги, Дэвида Каплана и Рут Баркан Маркус, *inter alia*) сделали традиционную метафизику и ее проблематику центральной для аналитической философии» [5; 12].

Представляется, что с особой силой возрождение интереса к метафизике затрагивает область современной философии математики, которая была к этому наилучшим образом подготовлена. В XX веке сложились три классических направления в современной философии математики, которые являются аналогом схоластической онтологической триады: реализма, концептуализма и номинализма, это: логицизм, интуиционизм и формализм [2, с. 337–341]. Более сов-

ременный, подробный и детальный разбор основных направлений философии математики дан в работах С. Шапиро [9] и Л. Д. Ламберова³.

Универсальным стандартом и общей нормой решения онтологических вопросов в аналитической философии XX века становится понятие онтологических обязательств У. Куайна: «Быть признанной сущностью значит не что иное, как считаться значением (value) переменной» [2, с. 335–336]. Онтологические вопросы не должны доверяться нашему естественному языку, прекрасному, но слабому младенцу, как сказал бы Г. Фреге, но должны быть переосмыслены в рамках грамматики Б. Рассела – в рамках языка логики предикатов, как универсального языка для всех философов аналитиков и не только аналитиков (феноменолог Г. Кюнг, герменевтик К.-О. Апель и многие другие).

Особую ценность и актуальность представляют дискуссии в философии математики между такими противоположными позициями, как платонизм и номинализм. Был ли натуралист У. Куайн платоником? У. Куайн прекрасно понимает, что платонизм и номинализм – это позиции несовместимые. У. Куайн безого-

² Lamberov L. D. Theoretical-type justification of mathematical structuralism: onto-epistemological aspects // Dissertation for the degree of Doctor of Philosophy. Specialty 5.7.1. Ontology and theory of knowledge. Ekaterinburg, 2026. – 531 p.

³ Ламберов Л. Д. Теоретико-типичное обоснование математического структурализма: онто-эпистемологические аспекты: дис. ... д-ра филос. наук. – Екатеринбург, 2025. – 531 с.

ворочно выбирает сторону номинализма, сторону сторонников «Бритвы Оккама», он борется с платонизмом сторонников «Бороды Платона». Равным образом в философии математики У. Куайн занимает сторону номиналистов (математики формалисты, Д. Гилберт) и выступает против логицистов-платоников (Фреге, Рассел, Карнап). Третья позиция – концептуализм (в математике – это интуиционисты и конструктивисты, начиная с Пуанкаре, Брауэра и далее, вплоть до Колмогорова [14] и других). Никакого платонизма для собственной философии Куайн не мыслит и не допускает, однако допускает платонизм логицистов в качестве некоторой *возможной философии* (метафизики) математики.

Целью нашего исследования является сужение и более четкое определение категорий платонизма и номинализма, а также сопоставление их с категориями реализма и натурализма. Также имеет значение классификация современных философов в области философии математики относительно данных категорий.

Методологической основой при рассмотрении классификационных проблем для нас станет разграничение между метафизикой и онтологией [1]. Данное разграничение будет опираться на дистрикцию У. Куайна между идеологией теории и онтологией теории. При этом, идеологию теории мы будем ассоциировать с языком теории и заложенной в нем метафизикой, а онтологию теории ассоциировать не с языковой системой, а с внутренними сущностями самой теории, определяемыми онтологическими обязательствами.

Глобальное методологическое значение для области онтологии имеет понятие и техника анализа онтологических обязательств наших теорий, разрабатываемая целым рядом великих мыслителей XX века: У. Куайном, А. Черчем, Х. Патнэмом и другими. Хотя зарождается эта великая методология анализа онтологических обязательств уже в трудах Б. Рассела, который пошел в сторону сокращения онтологической нагрузки именных выражений и переноса основной онтологической нагрузки на переменные наших теорий [8].

В качестве области нашего онтолого-метафизического анализа будет затронута и область философии математики. Наиболее влиятельной работой, вызывающей не утихающие споры о платонизме и номинализме в области математики, является статья великого философа XX века Хилари Патнэма «Философия логики» [7]. Данная статья ставит вопрос о природе логики и математики, а также о их связи с номинализмом и платонизмом. Мы планируем попытку терминологической корректировки, связанную с широко используемым в литературе по философии математики, на основе именно данной статьи, термином «платонизм», прежде всего, через демонстрацию того, что

не всякий реализм, о котором и говорит Х. Патнэм, можно считать платонизмом.

В качестве новизны мы получаем классификационный сдвиг в оценке позиции таких философов математики, как У. Куайн и Х. Патнэм.

Платонизм и номинализм

На самом деле отношение номинализм/платонизм – это целая шкала переходов между общим и абстрактным, с одной стороны, и частным, и конкретным, с другой. Градация противоположности между платонизмом и номинализмом хорошо прослежена в работе Г. Кюнга «Онтология и логический анализ языка» [4]. Особую ценность данной работы составляет анализ взаимосвязей между онтологическими концепциями и формами интерпретации предикатных выражений формализованных языков, в которых эти онтологии выражаются. Феноменолог Г. Кюнг относится к числу исследователей, разбирающихся в языковых возможностях и особенностях классической логики предикатов. Его результаты заслуживают доверия, с той лишь оговоркой, что то, что он именует «онтологией» в значительной своей части (но не полностью) будет фигурировать у нас под именем метафизики.

Реализм как противоположность номинализма. Всякий ли реализм является платонизмом? Многозначность термина реализм. Настоящий платоник в области философии математики – это, например, Г. Фреге и только потому, что признаёт мир абстрактных объектов, метафизический «третий мир». Этот мир не походит на Платоновскую «Гипер-Уранию», тем не менее он есть. Не бывает платонизма без некоторой онтологической иерархии. У Фреге – это его трехуровневая онтология с чётким различением предметов и понятий в области семантики, у Рассела – это теория типов и предикативное истолкование множеств. Можно ли выделять онтологические уровни в философии У. Куайна? Можно было бы подумать, что иерархия присутствует уже в языке логики предикатов первого порядка, избранной Куайном в качестве канонического символизма логики, где содержатся не только объекты, но и предикаты этих объектов, в том числе и предикат «принадлежать множеству». Онтология первопорядковых языков – только такая онтология признавалась У. Куайном, – тогда окажется двухуровневой онтологией, а не одноуровневой, как это обычно утверждается. Важно лишь понимать, что предикаты не могут рассматриваться как самостоятельные объекты. В связи с этим, особое значение имеет разграничение предикативной и непредикативной (импредикативной) версий теорий множеств у Х. Патнэма [7, с. 127–131]. Однако в непредикативных трактовках теории множеств такого объекта как «быть множе-

ством» в *первопорядковых логиках* просто не может существовать. А теория множеств в версии У. Куайна характеризуется именно своей импредикативностью. В *первопорядковых логиках* не допускается лишь квантификация по множествам *в качестве предикатов*. Равным образом, трактовка теории множеств Х. Патнэмом в не меньшей степени, чем у Куайна, является импредикативной [7, с. 127–131].

Все дело в том, квантифицируем ли мы по объектам или по именам объектов (подстановочная квантификация). Допустима ли подстановочная квантификация по именам олимпийских богов? Данный вопрос в некоторых отношениях аналогичен вопросу: допустима ли квантификация по именам множеств. Что же это такое – множества, не являющиеся предикатами? Можно утверждать, что *предикаты – это имена множеств*.

Подстановочная квантификация не может быть связана с онтологическими обязательствами, онтологические обязательства влечет лишь квантификация по признаваемым нами реальными объектам. Реальные объекты Куайна натуралистичны. Гипостазирование можно, по крайней мере в некоторых случаях, рассматривать как следствие подстановочной квантификации. Однако, согласно У. Куайну, вся математика должна быть натурализована и релятивизирована к реальным объектам. У. Куайн не допускает в свои *первопорядковые логики* подстановочную квантификацию.

Гипостазирование – это и есть ключевое понятие для решения всех вопросов о наличии или отсутствии метафизики платонизма. Как именно гипостазирование множеств связано с предикативностью/непредикативностью наших интерпретаций теории множеств? Представление множеств в качестве функций не является операцией их гипостазирования, так как имеет внутритеоретический характер [7, с. 127–128], а представление множеств в качестве предикатов уже выводит нас за рамки внутритеоретических конструкций математики, переносит нас в область языковой метафизики. Считать функции *предикатами* – это уже *философия* математики, а не собственное дело математической техники конструирования.

В логиках первого порядка, по определению, есть кванторы для объектов, но не может быть кванторов для предикативно толкуемых множеств объектов. Именованное множеств открывало бы путь к рассмотрению множества в качестве предикатов.

Если же мы ограничиваемся *первопорядковой объектной квантификацией*, то такая квантификация не допускает квантификацию по множествам объектов *в качестве предикатов*. В данном случае никакие онтологические обязательства в отношении множеств не возникают. Если, конечно, не считать сами множе-

ства мистическими, неконструктивными, абстрактными объектами, и для этого также необходимо переходить к импредикативной теории множеств. У. Куайн делает именно это, он нигде (явно) не переходит на *второпорядковые логики*, но переходит к импредикативной квантификации по множествам. Сторонник *первопорядковых логик* может стать платонистом, не просто приняв импредикативную трактовку множеств, а лишь став в результате подобного принятия мистиком. Насколько подобную позицию можно продолжать считать натурализмом – большой вопрос.

Так натурализм или платонизм? Проведем некоторые параллели между абстрактными и вымышленными объектами. Если рассматривать множество как предикат, тогда этот предикат оказывается на том же уровне, что и Баба-Яга – в грамматиках расселловского типа, то есть на уровне дескриптивных выражений, которые ничего не обозначают в реальности.

Сущность предикативно толкуемого множества расположена на том же онтологическом уровне, что и сущность Бабы-Яги – быть *первопорядковым предикатом* (как именем *первопорядковой функции*). Сущность множества множеств на порядок выше – быть предикатом предиката, то есть быть *второпорядковым предикатом*. Имена собственные, при подобной трактовке, для обозначения множеств уже не подходят, как они не подходят и для обозначения сказочных существ (только имена понятий, имена функций, имена предикатов).

Как мы говорили ранее, между платонизмом и номинализмом не существует четкой границы, есть только множество ступеней перехода. Чтобы убедиться, что Куайн придерживается позиции умеренного номинализма, допускающего отступление в отношении статуса абстрактных объектов в сторону их квази-платонистской, а на деле концептуалистской, трактовки, достаточно привести следующую цитату: «Основная часть логических рассуждений располагается на уровне, не предполагающем абстрактных сущностей. Такое рассуждение большей частью происходит с помощью теории квантификации, законы которой могут быть представлены посредством схем, не включающих квантификацию по переменным классам. ... Поэтому всеохватывающую теорию референции я рассматриваю как ущербную, если она заставляет указывать нас на абстрактные сущности с самого начала, а не только там, где есть реальная потребность в таком указании. Отсюда мое желание общие термины и абстрактные единичные термины держать раздельно» [3, с. 169–170].

Мы видим, что говорить о «платонизме» Куайна, как это зачастую делается в философской литературе (об этом приписывании см. диссертацию

Л. Д. Ламберова⁴), по крайней мере очень рискованно. У нас есть гораздо больше оснований считать Куайна анти-платоником, то есть номиналистом.

В то же время, стремясь к номинализму, Куайн осознает проблемы последнего для логики и математики, и он согласен даже отступить на территорию одного из своих оппонентов – на территорию *концептуализма*, называя при этом платонистов «лотофагами» (наркоманами, пожирающими лотос из древнегреческой мифологии): «Тактически (но не стратегически! – Дмитрий Анкин), концептуализм, без сомнения, оказывается самой сильной позицией из трех (см. настоящую статью, раздел «Введение» – Дмитрий Анкин); ибо утомленный номиналист может снизойти до концептуализма, и все-таки успокаивать свою пуританскую совесть размышлением, что он еще не вполне разделяет участь лотофагов с платонистом» [3, с. 187]. Таков умеренный номинализм У. Куайна, который отличается от более крайних форм, например, друга Куайна Нельсона Гудмена. Куайн не готов полностью отказаться от квантификации классов, не готов признать вместо классов *кучи* неопределенных вещей и их частей, и частей их частей и т. д. Назвать У. Куайна платонистом, равнозначно тому, чтобы обругать его «лотофагом», по его же собственным словам. Перед нами умеренный номиналист, слегка уступающий, скрепя сердце, лишь концептуализму.

Гипостазирование абстрактных сущностей – необходимый атрибут всякого платонизма. Назвать мыслителя платонистом можно тогда и только тогда, когда, согласно его метафизической позиции, абстрактные объекты ведут самостоятельное, независимое от конкретных вещей нашего мира существование. Для У. Куайна же математические объекты влачат *зависимое* от вещей существование, что несовместимо с платонизмом ни в каком смысле. В противоположность Куайну, Г. Фреге, например, признавал числа, признавал истинностные значения и прочие логические и математические объекты независимыми от физического мира, вот это уже платонизм. А у У. Куайна никакого платонизма нет и в помине, сплошной натурализм (см. следующий раздел статьи) и номинализм.

Когда У. Куайн говорит о множествах и прочих абстрактных объектах, перед нами уже не онтология, а *метафизика* прагматизма. Онтология, онтологические обязательства работают исключительно *внутри* наших теорий. А язык – это не только основание онтологических моделей, но и *идеология* наших теорий. Имеется некоторая аналогия «идеологий» У. Куайна с «языковыми каркасами» Р. Карнапа, но без разбиения

у последнего на внешние (семантика) и внутренние (онтология) вопросы. *Идеология* же множеств не дает основания для навешивания на нас каких-либо онтологических обязательств. Мы свободны в выборе различных вариантов философии (метафизики) математики

Натурализм и платонизм

В предыдущей части мы работали с противоположностью платонизма и номинализма, в этой части речь пойдет о противоположности между платонизмом и натурализмом, которая выглядит более опосредованной противоположностью. Чем же опосредована данная противоположность? Имя данного опосредования – реализм.

Реализм бывает платонистическим и неплатонистическим. Как мы выяснили в первой части, платонизм – это всегда гипостазирование. Можно сказать, что платонизм есть гипостазирующий реализм. Однако возможен и не гипостазирующий реализм – реализм натуралистического типа. Натуралистический реализм есть отступление от номинализма, но отступление уже не чисто математического, а физикалистского типа. Натуралистическим номинализмом является феноменализм, а натуралистическим реализмом будет физикализм.

Указанное ранее отступление У. Куайна в сторону реализма тогда не будет уже уступкой гипостазирующему платонизму, а будет уступкой физикализму. Реализм физикалистской позиции связан с признанием вещей, которые будут некоторым аналогом множеств. Это сдвиг в сторону неплатонистического реализма, точнее – концептуализма (как мы выяснили в прошлой части нашей статьи). Аналогом множеств становятся *вещи*.

Совместим ли натурализм с гипостазированием абстрактных сущностей (= платонизмом)? Можно сразу заметить, что в отношении данного вопроса наша позиция расходится с позицией Пенелопы Мэдди, допускающей подобную совместимость, и пытающейся выстроить некий натуралистический вариант платонизма, занимающийся постижением математических множеств, существующих в рамках самого физического [6; 16]. По нашему мнению – это уже не платонизм, в котором вещи следует брать отдельно, а множества отдельно.

Возможны ли математики натуралисты (натурализм в математике)? Для ответа на данный вопрос следует разобраться с понятием натурализма, которое видится не менее запутанным, чем понятие платонизма.

Натурализм – это прежде всего анти-метафизика (но на уровне *идеологии*, а не онтологии!). В этом

⁴ Ламберов Л. Д. Теоретико-типичное обоснование математического структурализма: онто-эпистемологические аспекты: дис. ... д-ра филос. наук. – Екатеринбург, 2025. – 531 с.

У. Куайн занимает позицию, сходную с позицией Л. Витгенштейна, который утверждал, что все, что можно сказать о том, что *принадлежит миру*, входит в него, можно сказать на языке естественных наук, на языке физики, химии и т.д. То есть онтология полностью определяется частными научными теориями о мире, нашими «лучшими теориями». В связи с этим, обращение к первопорядковым языкам начинает играть новым светом, связываясь с требованием невыхождения за рамки онтологии языков наук.

Здесь следует вспомнить гипотезу Р. Карнапа, в которой говорится о выразимости любой семантики интенционального («платонистского») типа в языке некоторой экстенционалистской семантики. У. Куайн берет данную гипотезу как основание собственных предпочтений в области формализации языков «наших лучших теорий», говорящих о мире.

Первопорядковые языки с объектной квантификацией позволяют Куайну провести разграничение между логикой и математикой. Второпорядковость толкуется им как «волк в овечьей шкуре», как математика, прикидывающаяся логикой.

Иной представляется позиция Х. Патнэма, который не склонен принимать натуралистическую позицию в своей философии математики и философии вообще. Очень интересно, что Патнэм не принимает и любовь Куайна к первопорядковым языкам. Х. Патнэм готов принять второпорядковые логики и не видит смысла в жесткой дистинкции между логикой и математикой, открыто полемизируя с Куайном [7, с. 117]. Позицию Х. Патнэма можно квалифицировать как последовательно концептуалистскую, в отличие от стыдливо концептуалистских допущений Куайна. Также Патнэм не настаивает на сведении метафизики к нулю, не настаивает на том, что онтологию можно интерпретировать чисто натуралистически путем ее редукции к онтологическим допущениям наших теорий.

Метафизика прагматизма и минимализм онтологических обязательств или почему натуралист У. Куайн допускает возможность разговора об олимпийских богах? Идеологическая предпочтительность как метафизика: согласно Куайну, онтологические обязательства действуют лишь для первопорядковых логик с объектной квантификацией. Множества, похоже, не подпадают, без серьезной натяжки (какого-то антифрегеанского их толкования), под так определенные онтологические обязательства. Таким образом, для спасения множеств остается лишь *чисто прагматическая* предпочтительность наших лучших теорий и связанная с этим идеология (а не первопорядковый, не задающий онтологию язык). Язык множеств (как идеология, а не как онтология!) прагматически предпочтительней языка олимпийских богов. Номинализм неподкупен

и не может быть связан с онтологическими обязательствами в отношении множеств (не связан с «бородой Платона»), не совместим с платонизмом, который по недоразумению иногда приписывают Куайну). Прагматическая предпочтительность никак не есть онтология, а есть чистой воды метафизика, свободная от связи с конкретными, онтологически нагруженными, сущностями теорий, выражаемых на первопорядковых языках. Идеология относится к более высокопорядковым, чем онтология, языкам; идеология и есть языковое воплощение метафизики (применительно к самому Куайну – метафизики прагматизма).

Натуралистический физикалистский мир Куайна вполне реален, но имеет (допускает) бесконечное множество вариантов-моделей. Это может быть связано с первородным грехом первопорядковых логик – с теоремой Левенгейма-Сколема о наличии в первопорядковых логиках не изоморфных интерпретаций (по Куайну – онтологий).

Платонизм же требует единую систему абстрактных сущностей. Умеренный номинализм, как мы показали в предыдущем разделе, может признавать какой-то ограниченный набор абстрактных сущностей. Натурализм также может допускать абстрактные сущности, но не может допускать их самодостаточности, их единственности и незаменимости. В натурализме абстрактные сущности не имеют онтологического фундирования.

Олимпийские боги и множества в теории У. Куайна. Олимпийских богов, о которых пишет У. Куайн, следует относить к идеологии его теории, а не к онтологии. Не так ли обстоит дело и с его разговором о множествах? Ведь квантификация по множествам объектов (множествам вещей) есть функция второпорядковых логик, которые подобны «волкам в овечьей шкуре» (У. Куайн).

В силу сказанного выше, «идеология теории» по Куайну допускает фикционалистскую трактовку (вопреки аргументам Х. Патнэма против фикционализма). Подробней с философией антиплатонистского фикционализма можно ознакомиться на примере творчества Хартри Филда [11; 12; 13]. Однако сами по себе онтологические обязательства теорий никакого фикционализма не требуют, онтология не есть идеология.

Первоначально Куайн совместно с Гудменом строят исчисление имен, пытаясь уйти от множеств в качестве объектов [4, с. 157–193]. В дальнейшем Куайн дает свою непредикативную версию теории множеств, где множества все же принимаются в качестве объектов, но на уровне идеологии (языка), а не онтологии (операций квантификации). Мы полагаем, что идеология множеств для Куайна прагматически целесообразна, но в чем-то аналогична его трактовке феноменологии сознания, которая может быть элиминирована наукой.

О недоопределенности семантических построений. Легче устранить случайность из области референции, чем из области семантики. Особенно семантики первопорядковых языков – в свете теоремы Левенгейма-Сколема. Таким образом, вопрос детерминации семантики со стороны мира неразрешим. «Семантическое восхождение» У. Куайна может оказаться под вопросом. В том числе, не помогает и холлизм. Более беспроблемным для семантик видится принцип толерантности Р. Карнапа (и семантическое «нисхождение» наших конструкций).

«Первородные грехи» первопорядковых логик, которые: 1) не способны к квантификации по множествам объектов, как предикатам избранной онтологии; 2) не имеют беспроблемных интерпретаций (согласно теореме Левенгейма-Сколема). Таким образом, неопределенность референции в чем-то эквивалентна неопределенности интерпретации, вытекающей из теоремы Левенгейма-Сколема. И это проблема всех первопорядковых логик. «Платонизм» У. Куайна имеет чисто прагматический и идеологический, а не онтологический характер. В онтологии же Куайн остается натуралистом.

Включаем ли мы математические теории (с множествами) в число «наших лучших теорий о мире»? Если да, то по множествам можно квантифицировать и выстраивать онтологические обязательства. Но если принять натурализм, то ничего подобного делать нельзя. Для последовательного натуралиста вещи существуют лишь внутри наших теорий о мире, и это и есть онтология. Другое дело разговор о типах вещей – это уже разговор о наших членениях мира (а не о мире самом по себе), подобный мифологии. Разговор о типах вещей является метафизикой и имеет исключительно прагматические основания, на онтологию не претендующее. Разговор о типах (родах) вещей отличен от разговора о том, что есть.

Сложно провести четкую границу, где заканчивается онтология и начинается метафизика. Бозон Хиггса – это онтология, а бозоны как тип (род) частиц подобны олимпийским богам. Равносторонний треугольник с длиной сторон p – это можно также считать онтологией, а треугольник как тип геометрической фигуры к онтологии никакой номиналист относить не имеет права. Однако с множествами дело обстоит немного иначе. Множество, имеющее p элементов, – это *исходно тип*. Таким образом, признание существования любых определенных множеств номиналистом было бы мифологией (идеологией) и метафизикой. В тоже время, признание множества некоторого вида, в рамках теории множеств, можно рассматривать в качестве онтологии самой теории множеств, однако уже в рамках логик, превышающих логики первого порядка. Подобные онтологии для теории множеств уже не вяжут-

ся с натурализмом теории множеств – это уже будут не натуралистические, а чисто математические теории.

Ненатуралистические теории, связанные с признанием абстрактных объектов, не имеют прав на онтологические обязательства и на признание в рамках номинализма. Натурализм всегда есть дискриминация онтологических прав абстрактных объектов. Абстрактные объекты необходимо перемещаются в область *идеологии* теории, благодаря чему Куайн перестает быть платоником. Онтология Куайна есть номинализм физикалистского типа, метафизика (= «идеология») Куайна есть реалистский натурализм прагматистского типа. «Идеология теории» есть сфера онтологического безразличия.

Идеологическая предпочтительность языка множеств еще не есть онтологические обязательства. Множества, как и олимпийские боги, не являются для Куайна объектами-вещами, не относятся к области существующего (в которой никаких абстрактных объектов быть не может), а являются лишь языком, то есть чистой идеологией наших теорий. Куайновская идеология аналогична области «внешних вопросов» в смысле Р. Карнапа (только не стоит забывать, что у самого Карнапа – в отличие от Куайна, который на самого себя предпочитает не смотреть – метафизика строго нулевая, метафизика полностью вытеснена семантикой). У. Куайн стремится представить собственный натурализм как индифферентный по отношению к идеологиям (= метафизикам), стремится показать, что значение имеют лишь онтологические обязательства и референция. Связь идеологии и метафизики у Куайна такова, что его языковые идеологии наших лучших теорий становятся заменой традиционной метафизики.

Заключение

Не всякое признание абстрактных сущностей правомерно считать платонизмом. Решающее значение имеет их генезис и онтологическое фундирование, определяемое – согласно избранной нами методологии – операциями внутритеоретического квантификации. Даже если математика не может обойтись без абстрактных сущностей, это ещё не дает нам достаточных оснований относить ее к платонизму. Решающее значение имеет производится или не производится квантификация по этим абстрактным сущностям. Если не производится, то мы имеем лишь идеологию теории и связанную с ней метафизику, если производится, то мы имеем онтологию в узком, куайновском смысле. Конечно, опровергнуть платонизм невозможно, однако это еще не делает нас платониками. И если на уровне идеологии У. Куайн остается антиплатонистом, то это его право. Таким образом, не совсем правы те исследователи, которые пытаются

ся усмотреть в метафизике Куайна платонизм. Лучше называть это не платонизмом, а реализмом, о котором и говорит в своих работах Х. Патнэм. И это не чисто терминологический вопрос. Несмотря на то, что номинализм и платонизм лишь противоположности, а не противоречие, вполне рационально согласиться с тем, что Куайн антиплатонист в метафизике, как он себя и называет, а его признание множеств следует считать уступкой не платонизму, а реализму. Импредикативность в меньшей степени обязывает нас к платонистским выводам, чем второпорядковость логики, которую Куайн достаточно старательно избегает.

Мы показали, на примере анализа позиции У. Куайна, что непростые классификационные проблемы успешно разрешимы при корректном разграничении метафизики и онтологии. Мы показали, что некоторые формы принятия абстрактных объектов в философии математики могут быть не связаны с платонизмом, но лишь с некоторыми формами метафизического реализма неплатоновского типа (без метафизики гипостазированных объектов), в том числе, связанными с принятием онтологии натурализма, редуцирующего всю онтологическую проблематику к анализу естественнонаучных теорий.

Альтернативной к настоящей статье методологией

(методологией № 2), мог бы послужить проект Р. Карнапа по разграничению семантики и метафизики. Мы могли бы обойтись и без метафизики, но это был бы иной подход и иные методологические основания анализа. Вспоминая Р. Карнапа, можно сказать, что это было бы чем-то вроде запрещения метафизической интерпретации семантики, запрещением движения от семантики к метафизике. Карнап – это современный Кратил, сохраняющий молчание и воздержание от метафизических выводов любого типа. Но это уже тема для иной статьи.

Отдельное, технически сложное логическое исследование требуется для решения вопроса о том, избегает ли У. Куайн каких-либо скрытых обращений к языкам логики предикатов *второго порядка*, когда осуществляет квантификацию по множествам, понимаемым в качестве абстрактных объектов.

Имеет также смысл рассмотреть понятие «категориальной ошибки» Г. Райла, не только применительно к предикативным теориям множеств, но и в рамках импредикативных теорий, таких как у У. Куайна и Х. Патнэма. Представляется, что «категориальную ошибку» Райла тогда можно будет рассмотреть в качестве некоторого эквивалента нарушения критерия онтологических обязательств Куайна.

Литература

1. Анкин Д. В. Эволюция идей метафизики и онтологии // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2020. – № 3. – С. 71–78. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2020-3-71>. – EDN: GQAPZS.
2. Куайн У. О том, что есть // Куайн У. ван Орман. Слово и объект / Пер. с англ. А. З. Черняка, Н. С. Юлиной. – М.: Логос; Праксис, 2002. – С. 325–342.
3. Куайн У. С точки зрения логики. 9 логико-философских очерков / Пер. с англ. В. А. Ладова и В. А. Суровцева. – М.: «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2010. – 272 с.
4. Кюнг Г. Онтология и логический анализ языка / Пер. с нем. и англ. яз. А. Л. Никифорова. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. – 240 с.
5. Лакс М. Дж., Крист Т. М. Метафизика: Современное введение / пер. с англ. М. В. Семиколенных. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2024. – 472 с.
6. Мэдди П. В защиту аксиом. О философских основаниях теории множеств. – М.: «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2026. – 400 с.
7. Патнэм Х. Философия логики // Х. Патнэм Философия сознания. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. – С. 103–145.
8. Рассел Б. Об обозначении // Б. Рассел Избранные труды. – М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2021. – С. 9–27.
9. Шапиро С. Философия математики / пер. с англ. В. В. Целищева. – М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2022. – 512 с.
10. Davis P. J., Hersh R. (1981) *The Mathematical Experience*. – Boston: Birkhäuser. – 440 p. (In Eng.).
11. Field H. (1989) *Realism, Mathematics and Modality*. – N. Y.: Basil Blackwell. – 290 p. (In Eng.).
12. Field H. (1980) *Science Without Numbers. A Defense of Nominalism*. – Princeton: Princeton University Press. – 130 p. (In Eng.).
13. Kasa I. (2010) On Field's Epistemological Argument Against Platonism. *Studia Logica*. – Vol. 96. – No. 2, pp. 141–147. (In Eng.).
14. Kolmogoroff A. (1932) Zur Deutung der intuitionistischen Logik. *Mathematische Zeitschrift*. – Vol. 35, pp. 58–65. (In German).

15. Linnebo Ø. (2006) Epistemological Challenges to Mathematical Platonism. *Philosophical Studies*. – Vol. 129. No. 3, pp. 545–574. – <https://doi.org/10.1007/s11098-004-3388-1>. – EDN: WSXZTV. (In Eng.).
16. Maddy P. (1997) *Naturalism in Mathematics*. – N. Y.: Oxford University Press. – 254 p. (In Eng.).

References

1. Ankin, D. V. (2020) [Evolution of ideas of metaphysics and ontology]. *Intellekt. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. No. 3, pp. 71–78. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2020-3-71>. (In Russ.).
2. Kuajn, U. (2002) [On What There Is]. *Slovo i ob'ekt* [Word and Object]. M.: Logos; Praxis, pp. 325–342. (In Russ., transl. from Engl.).
3. Kuajn, U. (2010) *S tochki zreniya logiki. 9 logiko-filosofskikh ocherkov* [From the Point of View of Logic. 9 Logical-Philosophical Essays]. Moscow: «Canon +» ROOI «Rehabilitation», 272 p. (In Russ., transl. from Engl.).
4. Kyung, G. (1999) *Ontologiya i logicheskij analiz yazyka* [Ontology and Logical Analysis of Language]. Moscow: House of Intellectual Books, 240 p. (In Russ., transl. from Engl. and Germ.).
5. Laks, M. Dzh., Krisp, T. M. (2024) *Metafizika: Sovremennoe vvedenie* [Metaphysics: A contemporary introduction]. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 472 p. (In Russ., transl. from Engl.).
6. Meddi, P. (2026) *V zashchitu aksiom. O filosofskih osnovaniyah teorii mnozhestv* [Defending the Axioms: On the Philosophical Foundations of Set Theory]. M.: «Kanon +» ROOI «Rehabilitation», 400 p.
7. Patnem, H. (1999) *Filosofiya logiki* [Philosophy of Logic]. Moscow: House of Intellectual Books, pp. 103–145.
8. Russell, B. (2021) *Ob oboznachenii* [On Notation]. Selected Works in B. Russell]. Moscow: Canon +, Russian Society of the Disabled «Rehabilitation», pp. 9–27.
9. Shapiro, S. (2022) *Filosofiya matematiki* [Philosophy of Mathematics]. Moscow: Canon +, Russian Society of the Disabled «Rehabilitation», 512 p. (In Russ., transl. from Engl.).
10. Davis, P. J., Hersh, R. (1981) *The Mathematical Experience*. Boston: Birkhäuser, 440 p. (In Eng.).
11. Field, H. (1989) *Realism, Mathematics and Modality*. N. Y.: Basil Blackwell, 290 p. (In Eng.).
12. Field, H. (1980) *Science Without Numbers. A Defense of Nominalism*. Princeton: Princeton University Press, 130 p. (In Eng.).
13. Kasa, I. (2010) On Field's Epistemological Argument Against Platonism. *Studia Logica*. Vol. 96. No. 2, pp. 141–147. (In Eng.).
14. Kolmogoroff, A. (1932) Zur Deutung der intuitionistischen Logik. *Mathematische Zeitschrift*. Vol. 35, pp. 58–65. (In German).
15. Linnebo, Ø. (2006) Epistemological Challenges to Mathematical Platonism. *Philosophical Studies*. Vol. 129. No. 3, pp. 545–574. – <https://doi.org/10.1007/s11098-004-3388-1>. (In Eng.).
16. Maddy, P. (1997) *Naturalism in Mathematics*. N. Y.: Oxford University Press, 254 p. (In Eng.).

Информация об авторе:

Дмитрий Владимирович Анкин, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры онтологии и теории познания, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

ORCID iD: 0000-0003-1899-7956, Web of Science Researcher ID: ABD-6415-2020

e-mail: dmitryankin@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 20.04.2026; принята в печать: 22.05.2026.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Dmitry Vladimirovich Ankin, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Ontology and Theory of Knowledge, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia

ORCID iD: 0000-0003-1899-7956, Web of Science Researcher ID: ABD-6415-2020

e-mail: dmitryankin@gmail.com

The paper was submitted: 20.04.2026.

Accepted for publication: 22.05.2026.

The author has read and approved the final manuscript.